

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "МАГОМАДОВА И ИСХАНОВА ПРОТИВ РОССИИ"

(Жалоба №33185/04)

Текст был отредактирован 24 ноября 2008 года
согласно Правилу 81 Регламента Суда

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

6 ноября 2008 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

6 апреля 2009 года

В деле **“Магомадова и Исханова против России”**

Европейский суд по правам человека (Первая секция) Палатой в следующем составе:

Кристос Розакис, *Президент*,

Нина Вайич,

Анатолий Ковлер,

Ханлар Хаджиев,

Сверре Эрик Йебенс,

Джорджи Малинверни,

Георгий Николаи, *судьи*,

и Сёрен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Заседая 16 октября 2008 года за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№33185/04) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») двумя гражданами Российской Федерации, г-жой Луизой Абдулбековной Магамадовой и г-жой Алпату Дидиевной Исхановой («заявители») 19 июля 2004 года.

2. Заявителей в Европейском Суде представляли юристы "Правовой инициативы по России" (далее - "SRJI"), неправительственной

организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации («Правительство») представляла г-жа В. Милинчук, бывший Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. 26 марта 2007 года Президент Первой секции принял решение в соответствии с Правилom 41 Регламента Суда о разбирательстве данной жалобы в приоритетном порядке и принял решение уведомить Правительство о поданной жалобе. В соответствии с положениями Статьи 29 § 3 Конвенции Суд принял решение о рассмотрении жалобы по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявители родились в 1964 и 1958 годах соответственно. Они в селе Мескер-Юрт Шалинского района Чеченской республики.

5. Первый заявитель состоит в браке с господином Висхаджи Шатаевичем Магамадовым, 1962 года рождения. Второй заявитель состоит в браке с господином Хасханом Шахтамировичем Межиевым, 1963 года рождения. Обе эти пары проживали по соседству друг от друга в селе Мескер-Юрт.

A. Исчезновение Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева

1. Позиция заявителей

6. В ночь с 13 на 14 ноября 2002 года Хасхан Межиев остался ночевать в доме Висхаджи Магамадова. Мужчины спали в главном доме. Первый заявитель, ее дети и зять спали в пристройке к дому семьи Магамадовых.

7. 14 ноября 2002 года в 5 утра первый заявитель проснулась и услышала звук открывающихся ворот. Вскоре после этого группа неизвестных вооруженных людей вошли в ее комнату. Они были в камуфляжной форме, бронежилетах и в масках. Вошедшие не представились. Первый заявитель решила, что это военнослужащие российских федеральных сил, поскольку у них были славянские черты лица и говорили по-русски без акцента. Один из военных закричал на первого заявителя, используя нецензурные выражения. Они осмотрели комнату, где спали первый заявитель, ее дети и зять, поняли, что там нет взрослых мужчин, и вышли. Первый заявитель посмотрела в окно и заметила во дворе около 10 военнослужащих, окруживших главный дом.

8. Тем временем Висхаджи Магамадов совершал мусульманскую молитву в главном доме. Военнослужащие вошли в его комнату и заставили его лечь на пол. Затем они вывели Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева во двор и приказали им бежать босиком в направлении к припаркованным недалеко двум бронетранспортерам («БТР»). Регистрационные номера БТР были запачканы грязью.

9. Первый заявитель попыталась последовать за своим мужем, однако военные преградили ей путь. Она смогла выйти из дома во двор.

10. Военные бросили Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева на землю и начали бить их прикладами винтовок. Затем они посадили двух мужчин в БТР и уехали.

11. Когда первый заявитель вошла в главный дом, она обнаружила, что в доме производился обыск, поскольку был беспорядок, а на полу был рассыпан сахар.

12. Заявители не имеют никаких известий о Висхаджи Магамадове и Хасхане Межиеве с 14 ноября 2002 года.

2. Информация, представленная Правительством

13. Правительство не согласилось с мнением заявителей о случившемся. Оно утверждало, что второй заявитель не была свидетелем похищения ее мужа, и выразило сомнение, что похищение вообще имело место.

В. Поиски Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева и расследование

1. Позиция заявителей

14. Сразу после событий 14 ноября 2002 года заявители начали поиски своих мужей. Они неоднократно обращались в различные официальные органы, как в письменной форме, так и лично, сообщая о задержании их мужей в ночь с 13 на 14 ноября 2002 года и пытаясь узнать что-либо о местонахождении и судьбе исчезнувших. В частности они подали заявления в прокуратуры разных уровней, Министерство внутренних дел Чеченской республики, Полномочному Представителю Президента РФ в Южном федеральном округе, Федеральную службу безопасности («ФСБ»), Российскому омбудсмену и Государственную Думу РФ, с указанием подробностей обстоятельств задержания их мужей. В их усилиях им помогала организация SRJI. Официальные органы перенаправили большинство этих жалоб в прокуратуры для расследования.

15. 22 ноября 2002 года прокуратура Шалинского района («районная прокуратура») начала расследование исчезновения Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева по Статье 126 § 2 Уголовного кодекса

РФ (похищение с отягчающими обстоятельствами). Делу был присвоен № 59263. В постановлении говорилось:

“Около 5 утра 15 ноября 2002 года неустановленные вооруженные лица, одетые в камуфлированную форму одежды, находившиеся на двух БТР-х, окружив дом №28 по улице Школьная с. Мескер-Юрт Шалинского района ЧР, задержали г-на Межиева и г-на Магомадова. После чего [г-н Межиев и г-н Магомадов] были посажены в БТРы и увезены в неизвестном направлении”.

16. 22 января 2003 года районная прокуратура приостановила расследование дела № 59263 по причине неспособности установить личности предполагаемых преступников. Второй заявитель была уведомлена о приостановлении письмом от 29 января 2003 года.

17. 26 марта 2003 года военная прокуратура войсковой части №20116 сообщила заявителями, что военнослужащие не были причастны к задержанию Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева.

18. 6 апреля 2003 года заявители обратились в прокуратуру Чеченской республики и в районную прокуратуру с просьбой возобновить расследование и признать их в ходе следствия потерпевшими. 11 апреля 2003 года районная прокуратура сообщила в ответ на их письмо, что их жалоба о поисках их мужей, «задержанных неизвестными военнослужащими правоохранительных органов Российской Федерации» была включена в материалы дела № 59263 и отметила, что заявителям сообщат о каком-либо продвижении в расследовании.

19. 7 июля 2003 года прокуратура ЧР отменила решение от 22 января 2003 года о приостановлении расследования, возобновила следствие по делу № 59263 и дала указания районной прокуратуре предпринять все необходимые следственные меры к раскрытию преступления, о чем уведомила заявителей соответственно.

20. 15 июля 2003 года из Главной военной прокуратуры передали письмо второго заявителя в прокуратуру ЧР.

21. 1 августа 2003 года прокуратура ЧР направила каждому заявителю письма, идентичные письму от 7 июля 2003 года.

22. 4, 11 и 18 августа 2003 года прокуратура ЧР передала письма второго заявителя в районную прокуратуру.

23. 15 августа 2003 года Управление ФСБ по Чеченской республике сообщило первому заявителю, что служащие ФСБ не задерживали ее мужа, что он не подозревался в совершении какого-либо преступления и что ФСБ предпринимает необходимые шаги для установления местонахождения Висхаджи Магамадова и установления личностей виновных в его исчезновении.

24. 23 августа 2003 года из Министерства внутренних дел ЧР передали письмо второго заявителя в Отдел внутренних дел Шалинского района (“РОВД”) и указали, что представленные факты будут проверены и будут приняты необходимые процессуальные меры.

25. 1 сентября 2003 года районная прокуратура уведомила заявителей о том, что расследование похищения их мужей продолжается.

26. 20 сентября 2003 года военная прокуратура Объединенной группы войск (сил) («военная прокуратура ОГВ(с)») передала жалобу первого заявителя в военную прокуратуру войсковой части №20116 и дала указание провести расследование.

27. 20 января 2004 года прокуратура ЧР уведомила заявителей о том, что «26 октября 2003 года расследование уголовного дела было приостановлено согласно Статьи 208 § 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (по причине неспособности установить личности предполагаемых преступников)” и что «20 октября 2003 года прокуратура ЧР возобновила расследование и [были] предприняты следственные меры для установления личностей преступников и местонахождения родственников [заявителей]”.

28. 14 февраля 2004 года районная прокуратура сообщила первому заявителю, что расследование было возобновлено 2 февраля 2004 года и что были предприняты следственные меры.

29. 28 апреля 2004 года районная прокуратура уведомила первого заявителя о том, что расследование уголовного дела № 59263 продолжается.

30. 20 мая 2004 года военная прокуратура ОГВ(с) уведомила военную прокуратуру войсковой части о том, что письмо от 20 сентября 2003 года осталось без ответа, а также передала ей копию жалобы первого заявителя во второй раз и дала указание провести расследование.

31. 4 июня 2004 года прокуратура ЧР передала жалобу, представленную организацией «Гражданское содействие», региональным НПО, основанным в Москве, от имени второго заявителя в районную прокуратуру.

32. 11 августа 2004 года прокуратура ЧР уведомила второго заявителя о том, что ее жалоба, представленная организацией «Гражданское содействие», была включена в следственные материалы дела № 59263 и что предпринимаются следственные меры для установления местонахождения ее мужа.

33. 5 ноября 2004 года прокуратура ЧР передала в районную прокуратуру на рассмотрение жалобу, представленную SRJI от имени заявителей, а также обратилась с просьбой провести расследование уголовного дела № 59263.

34. 6 июля 2005 года прокуратура войсковой части сообщила первой заявительнице, что у них нет информации о местонахождении ее мужа.

35. 8 и 11 июля 2005 года прокуратура ЧР перенаправила запрос первой заявительницы о помощи в розысках ее мужа в районную прокуратуру.

36. 22 августа 2005 года районная прокуратура сообщила второй заявительнице, что расследование по уголовному делу №59263 было приостановлено 2 марта 2005 года.

37. 27 августа 2005 года прокуратура ОГВ(с) сообщила второй заявительнице, что он должна обращаться по всем дальнейшим вопросам в районную прокуратуру или в прокуратуру ЧР.

38. 15 сентября 2005 года районная прокуратура сообщила первой заявительнице, что расследование было приостановлено.

39. 8 ноября 2005 года SRJI запросила информацию о ходе расследования по уголовному делу №59263 из прокуратуры ЧР. В ответ они получили письмо, что прокуратура ЧР возобновила расследование 28 октября 2005 года.

40. 9 ноября 2005 года районная прокуратура сообщила заявителям, что расследование было приостановлено 30 октября 2005 года.

41. 19 января 2006 года прокуратура ЧР сообщила второй заявительнице, что она признана потерпевшей по делу и допрошена 22 ноября 2002 года и расследование было приостановлено.

2. Информация, предоставленная Правительством

42. 15 ноября 2002 года вторая заявительница пожаловалась в районную прокуратуру на похищение ее мужа неизвестными лицами.

43. 22 ноября 2002 года районная прокуратура возбудила расследование по факту похищения Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева по Статье 126 § 2 Уголовного Кодекса РФ (похищение при отягчающих обстоятельствах). Уголовному делу был присвоен номер 59263. В этот же день вторая заявительница была признана потерпевшей и допрошена. Она утверждала, что ее муж находился в доме соседей и затем его увезли неопознанные вооруженные люди на двух БТРах.

44. 27 ноября 2002 года районная прокуратура направила запросы в РОВД, в управление ФСБ Шалинского района, в военную прокуратуру, военную комендатуру Шалинского района, в информационный центр Министерства иностранных дел ЧР, центры содержания Чеченской республики и оперативно-розыскное бюро №2 (ОРБ-2). В ответ они получили информацию, что милицией, ФСБ и военными не предпринимались никакие действия в отношении Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева, что двое мужчин не задерживались и не арестовывались и что сотрудники Государства не имеют никакой информации о местонахождении исчезнувших мужчин.

45. 10 декабря 2002 года районная прокуратура признала потерпевшей первую заявительницу по уголовному делу №59263 и допросила ее. Первая заявительница показала, что ее муж был безработный. Вечером 14 ноября 2002 года Хасхан Межиев пришел навестить ее мужа. Около 5 часов утра 15 ноября 2002 года первая заявительница проснулась от шума, раздававшегося со двора, и увидела вооруженных людей в камуфлированной униформе, они были в масках и без масок. Мужчины вошли в дом, где спали ее муж и Хасхан Межиев, забрали их и увезли на БТР.

46. 22 января 2003 года расследование было приостановлено в связи с неустановлением людей, причастных к преступлению.

47. 2 февраля 2004 года районная прокуратура возобновила расследование по уголовному делу №59263 и сообщила об этом заявителям.

48. По-видимому, расследование было приостановлено, а затем снова возобновлено 30 сентября 2005 года и вновь приостановлено 30 октября 2005 года.

49. 23 июля 2006 года районная прокуратура отказалась возбудить уголовное расследование по заявлениям первой заявительницы, что вооруженные люди, похитившие ее мужа, брызнули ей в лицо какую-то жидкость из баллончика, так как первая заявительница не получила никаких телесных повреждений.

50. Районная прокуратура допросила некоторых свидетелей. Никто из свидетелей не сообщил, что Висхаджи Магамадов и Хасхан Межиев были избиты во время задержания.

51. Правительство утверждало, что следственные органы направили множество запросов в различные органы власти и предприняли другие необходимые следственные меры.

52. Расследованием не было установлено местонахождение Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева. Следственные органы направили запросы в компетентные государственные органы и предприняли другие действия, направленные на раскрытие преступления. Расследование не нашло доказательств, подтверждающих причастность сотрудников военных или правоохранительных структур к преступлению.

53. 15 мая 2007 года районная прокуратура возобновила расследование по делу №59263 и уведомила об этом заявителей.

54. Правительство далее утверждало, что ход следствия находится под контролем Генеральной прокуратуры. Согласно Правительству, заявители должным образом информировались обо всех решениях, принятых следствием.

55. Несмотря на конкретные запросы Суда, Правительство не предоставило копии материалов уголовного дела №59263, за исключением копий постановлений о приостановлении и возобновлении расследования и признании потерпевшими, а также несколько уведомлений об этих решениях родственникам. Ссылаясь на мнение Генеральной прокуратуры, Правительство заявило, что следствие по делу продолжается и что раскрытие материалов дела было бы нарушением Статьи 161 УПК РФ, поскольку они содержат сведения военного характера и личные данные свидетелей и других участников уголовного процесса.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

56. Статья 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК) предусматривает, что постановления органов следствия или прокурора в возбуждении уголовного дела, прекращении уголовного дела, а также

другие процессуальные действия или решения (ошибки), которые могут привести к нарушению конституционных прав и свобод участников уголовного процесса или привести к препятствиям к правосудию для граждан, могут быть обжалованы в местном суде. Суд может проверять законность и обоснованность обжалуемых решений.

57. Статья 161 УПК РФ запрещает разглашение данных предварительного следствия. Согласно ч. 3 этой Статьи, данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения прокурора, следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается.

ПРИМЕНИМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ПРАВА НА ПОДАЧУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖАЛОБЫ

58. Правительство утверждало, что жалоба была подана не в интересах восстановления нарушенных прав заявителей. Истинным предметом и намерением жалобы было достижение цели политического характера, «выдвинуть обвинения в адрес Российской Федерации как государства, якобы проводящего политику нарушения прав человека на территории Чеченской Республики». Правительство считало, что право на подачу индивидуальной жалобы нарушено заявителями и требовало признать жалобу неприемлемой в соответствии со Статьей 35 § 3 Конвенции.

59. Суд полагает, что обращения, представленные заявителями к рассмотрению, касались непосредственно самих жалоб. В документах дела нет ничего, что свидетельствовало бы о нарушении права на подачу индивидуальной жалобы. Соответственно, это возражение Правительства должны быть отклонено.

II. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

А. Доводы сторон

60. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой из-за не исчерпания внутригосударственных средств защиты. Правительство сообщило, что следствие по делу об исчезновении Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева еще не окончено.

61. Заявители оспорили это возражение. Они утверждали, что уголовное расследование проводилось в течение шести лет без каких-либо существенных результатов и это доказывает его неэффективность.

В. Оценка Суда

62. Суд подчеркивает, что правило об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в соответствии со Статьей 35 § 1 Конвенции обязывает заявителей сначала использовать средства правовой защиты, которые доступны и достаточны во внутригосударственной правовой системе, чтобы обеспечить им получение возмещения за предполагаемые нарушения. Существование средств правовой защиты должно быть достаточно определено как в теории, так и на практике, в противном случае им будет не хватать требуемых доступности и эффективности. Статья 35 § 1 также требует, чтобы жалобы, которые предполагается впоследствии представить в Суд, были бы заявлены в соответствующий внутригосударственный орган, по крайней мере, по существу и в соответствии с формальными требованиями и сроками, предусмотренными внутригосударственным правом, а также, чтобы были использованы любые процессуальные средства, могущие предотвратить нарушение Конвенции. Вместе с тем, нет обязательства обращаться к тем средствам правовой защиты, которые являются неадекватными либо неэффективными (см. *Aksoy v. Turkey*, постановление от 18 декабря 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-VI, pp. 2275-76, §§ 51-52; и *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan v. Turkey*, no. 41964/98, § 64, 27 июня 2006).

63. Правительство, утверждающее, что внутригосударственные средства правовой защиты не были исчерпаны, обязано указать Суду с определённой точностью те средства правовой защиты, к которым не обратились заявители, и объяснить Суду, что они являлись в соответствующий период времени эффективными и доступными, как в теории, так и на практике, то есть, что имелась возможность обратиться к ним, они могли предоставить возмещение в отношении жалоб заявителя и

что имелись разумные перспективы успеха (см. *Akdivar and Others*, цит. выше, р. 1211, § 68, или *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan*, цит. выше, § 65).

64. Суд считает, что заявители обжаловали законность действий властей сразу после похищения Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева, и что следствие длилось с 22 ноября 2002 года. Заявители и Правительство оспаривали вопрос эффективности расследования похищения.

65. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства в связи с пониманием эффективности расследования уголовного дела тесно связана с существом жалоб заявителей. Поэтому Суд считает, что данные вопросы должны быть рассмотрены ниже в свете материальных положений Конвенции.

III. ОЦЕНКА СУДОМ ИМЕЮЩИХСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

А. Доводы сторон

66. Согласно утверждению заявителей, не подлежит сомнению на разумных основаниях то, что лица, которые увели с собой Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева, были агентами Государства. В обоснование своей жалобы они ссылаются на следующие факты. Вооруженные люди, которые похитили Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева умели славянские черты лица, говорили по-русски без акцента, это означает, что они не были чеченцами по происхождению. Они прибыли БТРах в 5 часов утра, то есть во время комендантского часа проводимого в Мескер-Юрте, и, следовательно, никакие другие транспортные средства не могли пересечь блокпосты федеральных средств в период с 20.00 до 6.00 без разрешения властей. Заявители также отметили, что основанием для отказа Правительства предоставить материалы уголовного дела № 59263 послужил тот факт, что в них содержались «сведения военного характера, раскрывающие дислокацию и характер действий воинских и специальных формирований».

67. Правительство оспорило утверждения заявителей. Оно заявило, что нет оснований считать, что Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева похитили. Оно утверждало, что заявители фальсифицировали информацию относительно даты предполагаемое похищения, которую они заявили в Суде, так, по мнению Правительства, заявители сами утверждали в ряде случаев, что их мужья были уведены не в ночь с 13 на 14 ноября 2000 года, но в ночь с 14 на 15 ноября 2002 года. Правительство также отмечает, что заявители никогда не подавали жалобы в местные суды с требованием признать их мужей пропавшими без вести или умершими. Оно также отметило, что группы украинцев,

белорусов и русских наемников участвовали в проведении преступных акций на территории Чеченской Республики и тот факт, что похитители имели славянские черты лица и говорили на русском языке, не означает их принадлежности к российским военным. Оно также утверждало, что многие БТРы были украдены из арсенала российских войск в 1990 годы, и некоторые из них использовались членами бандформирований в ходе сражений с федеральными силами.

В. Оценка фактов Судом

1. Общие принципы

68. По делам, в которых существуют противоречащие друг другу версии событий, Суд при установлении фактов неизбежно сталкивается с теми же сложностями, что и любой суд первой инстанции. Когда, как в данном деле, Правительство-ответчик имеет эксклюзивный доступ к информации, способной подтвердить либо опровергнуть утверждения заявителя, любой недостаток содействия со стороны Правительства без удовлетворительного объяснения может стать основанием для выводов об обоснованности таких утверждений заявителя (см *Taniş and Others v. Turkey*, no. 65899/01, § 160, ECHR 2005-...).

69. Суд отмечает, что в его практике выработан ряд принципов, применимых в ситуациях, когда он вынужден решать задачу установления фактов, относительно которых между сторонами имеется спор. Что касается спорных фактов, Суд повторяет позицию, сформировавшуюся в его судебной практике, согласно которой при оценке доказательств применению подлежит стандарт доказывания «вне разумных сомнений» (см. *Avşar v. Turkey*, no. 25657/94, § 282, ECHR 2001 VII (извлечения)). Достижение такого стандарта доказывания может являться следствием сосуществования достаточно сильных, ясных и согласующихся друг с другом выводов из имеющихся фактов либо схожих непровергнутых презумпций относительно фактов. В этом контексте должно приниматься во внимание поведение сторон при получении доказательств (см. *Taniş and Others*, цит. выше, §160).

70. Суд со вниманием относится к соблюдению принципа субсидиарности и признаёт, что он должен быть осторожен в принятии на себя роли суда первой инстанции, действуя таким образом только в тех случаях, когда обстоятельства конкретного дела делают это неизбежным (см., например, решение *McKerr v. the United Kingdom* (dec.), no. 28883/95, от 4 апреля 2000 года). Тем не менее, когда выдвигаются обвинения по статьям 2 и 3 Конвенции, Суд должен особенно тщательно рассматривать факты (см., с учётом контекста, *Ribitsch v. Austria*, 4 декабря 1995, Series A no. 336, § 32; и *Avşar v. Turkey*, цит. выше, § 283), даже если уже были осуществлены определённые внутригосударственные меры и следственные действия.

71. Когда власти обладают полной либо значительной частью информации о соответствующих событиях, как в делах, по которым задержанные лица находятся под их контролем, возникают сильные фактические презумпции в отношении телесных повреждений и смерти, произошедших во время содержания под стражей. В самом деле, бремя доказывания может считаться возложенным на власти, которые должны предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение (см. *Tomasi v. France*, 27 августа 1992, Series A no. 241-A, pp. 40-41, §§ 108-11; *Ribitsch*, цит. выше, § 34; и *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 87, ECHR 1999-V).

72. Эти принципы применимы также к делам, по которым хотя не доказано, что лицо было задержано властями, но возможно установить, что он или она вошли в место под их контролем, после чего пропали без вести. В таких обстоятельствах Правительство должно предоставить правдоподобное объяснение тому, что произошло в помещениях под его контролем, и показать, что соответствующее лицо не было задержано властями, а покинуло помещения без последующего лишения свободы (см. *Taniş and Others*, цит. выше, § 160).

73. В заключение, если внутригосударственными судами рассматривалось уголовное дело по тем же самым обвинениям, следует иметь в виду, что уголовно-правовая ответственность отличается от международно-правовой ответственности по Конвенции. К компетенции Суда относится рассмотрение вопросов о международно-правовой ответственности. Ответственность по Конвенции основывается на её собственных положениях, которые должны толковаться и применяться на основе целей Конвенции и в свете соответствующих принципов международного права. Ответственность государства по Конвенции за действия его органов, представителей и служащих не следует путать с внутригосударственными правовыми вопросами индивидуальной уголовной ответственности, которые подлежат рассмотрению национальными уголовными судами. В этом смысле Суд не стремится сделать каких-либо выводов о виновности либо невиновности (см. *Avsar*, цит. выше, § 284).

2. Установление фактов

74. Суд отмечает, что, несмотря на его запросы копии материалов уголовного дела по похищению Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева, Правительство не предоставило вообще никаких документов по делу. Правительство сослалось на статью 161 Уголовно-процессуального кодекса. Суд отмечает, что в предыдущих делах он уже устанавливал, что это объяснение является недостаточным для объяснения удержания ключевой информации, запрошенной Судом (см. [Imakayeva v. Russia, №7615/02, п. 123, ECHR 2006-... \(извлечения\)](#)).

75. С учётом этого и вышеизложенных принципов, Суд полагает, что он может сделать выводы из поведения Правительства в отношении

убедительности утверждений заявительницы. Суд считает нужным продолжить изучение ключевых элементов этого дела, в котором должно быть принято во внимание, когда решение о том, могут ли родственники заявителей считаться мертвыми, и была ли их смерть приписана властям.

76. Заявители утверждают, что лица, которые задержали Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева 14 ноября 2002 года, были представителями Государства.

77. Правительство заявило, что сам факт похищения Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева не был точно установлен (см. пункты 13 и 67 выше). Суд отмечает в этой связи, что внутреннее расследованием властей установило, что преступление имело место, когда возбудило уголовное дело №59263. Следствие несколько раз приостанавливалось и возобновлялось из-за невозможности установить людей, причастных к преступлению, но не по причине отсутствия состава преступления. Таким образом, Суд не может согласиться с этим аргументом Правительства.

78. Относительно довода Правительства относительно заявленной фальсификации информации, Суд отмечает, что в своих жалобах внутренние официальные органы заявители указывали на события в ночь с 13 на 14 ноября 2002 года (см. пункт 14 выше). Суд подчеркивает, что система Конвенции не предполагает установление точной даты обжалованных событий. Тем не менее, ни в каких материалах, находящихся в ведении Суда, не указывается, что заявители сообщали местным властям об исчезновении их мужей 15 ноября 2002 года. Тот факт, что упоминаемая дата была указана в постановлении районной прокуратуры о возбуждении уголовного дела №59263 (см. пункт 15 выше) не означает, что утверждения заявителей сфальсифицированы или лживы, и может быть результатом обычной канцелярской ошибки. Следовательно, Суд считает, что заявители информировали и внутренние органы власти должным образом.

79. Далее Правительство указало, Висхаджи Магамадов и Хасхан Межиев, если были похищены, то преступники могли быть членами незаконных вооруженных формирований. Однако это утверждение не было конкретным и не подтверждалось никакими материалами. Суд в этой связи подчеркивает, что оценка доказательств и установление фактов является прерогативой суда, и именно Суду предстоит определить доказательную ценность предоставленных документов (см. *Çelikbilek v. Turkey*, no. 27693/95, § 71, 31 мая 2005).

80. Более того, Суд находит сомнительным, что два БТРа, похищенные незаконными бандформированиями в 1990х годах, могли свободно пройти через блокпосты российских федеральных сил. Суд считает тот факт, что большая группа людей в камуфлированной форме, прибывшая в Мескер-Юрт в 5 часов утра на БТРах, убедительно подтверждающим версию заявителей о том, что это были сотрудники Государства. В своих жалобах властям заявители последовательно утверждали, что Висхаджи Магамадов и Хасхан Межиев были задержаны неизвестными людьми на БТРах и просили следователей предпринять все

возможное (см. пункты 43 и 45 выше). Эта версия событий рассматривалась и следствием, которое предприняло ряд шагов по проверке причастности силовых структур к похищению (см. пункты 18 и 44 выше).

81. Суд отмечает, что в случае, когда заявитель делает утверждение *prima facie*, а у Суда нет возможности сделать вывод на основе фактов из-за отсутствия соответствующих документов, на Правительство возлагается обязанность исчерпывающе аргументировать, почему данный документ не может быть предоставлен Суду для проверки утверждений заявителя, либо дать удовлетворительное и убедительное объяснение того, как именно произошли события, о которых идет речь. Таким образом, бремя доказывания переносится на Правительство, и если оно не представляет достаточных аргументов, то встает вопрос о возможных нарушениях Статьи 2 и/или Статьи 3 (см. *Toğcu v. Turkey*, no. 27601/95, § 95, 31 мая 2005, и *Akkum and Others v. Turkey*, no. 21894/93, § 211, ECHR 2005-II).

82. Учитывая вышеназванные элементы, Суд считает установленным, что заявители представили достаточно серьезные доказательства (*prima facie*) того, что их родственники были задержаны представителями Государства. Утверждение Правительства о том, что следствием не установлена причастность федеральных силовых структур к похищению, является недостаточным и не освобождает Правительство от упомянутого выше бремени доказывания. Ссылаясь на отказ Правительства представить документы, которые находились в его исключительном владении, и, не представив другую убедительную версию событий, Суд заключает, что Висхаджи Магамадов и Хасхан Межиев были похищены 14 ноября 2002 года сотрудниками Государства в ходе непризнаваемой спецоперации.

83. Заявители не получали достоверных сведений о Висхаджи Магамадове и Хасхане Межиеве со дня похищения. Их фамилии отсутствовали в журналах регистрации лиц, содержащихся под стражей. И, наконец, Правительство не представило каких-либо объяснений того, что произошло с ними после ареста.

84. Суд с большой озабоченностью отмечает, исходя из по целого ряда рассмотренных им дел, что феномен "исчезновений" в Чеченской Республике хорошо известен (см. помимо прочего, *Bazorkina*, цит. выше; *Imakayeva*, цит. выше; [Luluyev and Others v. Russia, no. 69480/01, ECHR 2006-... \(выдержки\)](#); [Baysayeva v. Russia, no. 74237/01, 5 апреля 2007](#); *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, цит. выше; *Alikhadzhiyeva v. Russia*, no. 68007/01, 5 июля 2007). Суд заключает, что в условиях вооруженного конфликта в Чечне, если кого-то задерживают неустановленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, это можно рассматривать как угрожающую жизни ситуацию. Отсутствие Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева и каких-либо сведений о них более шести лет подтверждают данное предположение.

85. По вышеозначенным причинам Суд считает не вызывающим сомнений на разумных основаниях тот факт, что Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева следует считать умершими после не признаваемого властями задержания сотрудниками государства.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

86. Заявители жаловались на нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что их родственники исчезли после задержания российскими военными, а государственные органы не провели эффективного расследования данного дела. Статья 2 гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(a) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

(c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа”.

A. Доводы сторон

87. Правительство утверждало, что органами следствия не получено данных о том, что Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева нет в живых или что к их похищению и предположительному убийству причастны представители федеральных силовых структур. Правительство утверждало, что расследование похищения мужей заявителей соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, поскольку принимались все предусмотренные российским законодательством меры к установлению лиц, совершивших это преступление.

88. Заявители же утверждали, что Висхаджи Магамадов и Хасхан Межиев были задержаны представителями федеральных сил и должны считаться умершими по причине отсутствия достоверных сведений о нем в течение нескольких лет. Они также утверждали, что расследование не соответствовало требованиям эффективности и адекватности, установленным прецедентной практикой Суда по Статье 2. Тот факт, что расследование ведется более шести лет без существенных результатов, также означает его неэффективность.

В. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

89. Суд считает в свете представленных сторонами аргументов, что жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права, подпадающие под действие Конвенции, для решения которых необходимо рассмотрение жалобы по существу. Кроме того, Суд уже отмечал, что возражение Правительства в части предполагаемого не исчерпания внутригосударственных средств защиты следует рассматривать совместно с рассмотрением существа жалобы (см. параграф 65 выше). Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 2 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Предполагаемое нарушение права на жизнь Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева

90. Суд напоминает о том, что Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое не может быть объектом частичной отмены. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только действия агентов Государства, но и сопутствующие обстоятельства (см., помимо прочего, *McCann and Others v. the United Kingdom*, постановление от 27 сентября 1995 г., серия А № 324, стр. 45-46, §§ 146-147).

91. Судом уже установлено, что родственников заявителей следует считать умершими после их безвестного задержания сотрудниками федеральных сил и что ответственность за их смерть несет Государство. В отсутствие какого-либо оправдания применения средств поражения агентами Государства Суд делает вывод, что в отношении Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева имеет место нарушение статьи 2 Конвенции.

(b) Предполагаемая неадекватность расследования похищения

92. Суд неоднократно указывал, что обязательство защищать право на жизнь, согласно Статье 2 Конвенции, предусмотренное в связи с общим обязательством государства согласно Статье 1 Конвенции «обеспечить всем в пределах своей юрисдикции права и свободы, определенные в Конвенции», требует, в порядке презумпции, проведения эффективного официального расследования в тех случаях, когда люди были убиты в результате применения силы (см *mutatis mutandis*, *McCann and Others*, цит. выше, р. 49, § 161, и *Kaya v. Turkey*, постановление от 19 февраля

1998, *Reports* 1998-I, p. 324, § 86). Существенной целью такого расследования является обеспечение эффективной имплементации национального законодательства, защищающего право на жизнь, и, по делам, связанным с участием представителей государства или государственных органов, привлечение их к ответственности за смерти, за которые они должны нести ответственность. Такое расследование должно быть независимым, открытым для доступа семье пострадавшего, выполняться в разумные сроки и быстротой, эффективным в том смысле, что оно способно принять решение, было ли применение силы в данном случае оправдано или нет при таких обстоятельствах или же оно было незаконным, и предоставлять достаточную часть для открытого рассмотрения следствия или его результатов (см. *Hugh Jordan v. the United Kingdom*, № 24746/94, §§ 105-109, от 4 мая 2001; и *Douglas-Williams v. the United Kingdom* (решение), № 56413/00, от 8 января 2002).

93. В настоящем деле проводилось расследование по факту похищения Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева. Суд должен оценить, соответствовало ли это расследование требованиям Статьи 2 Конвенции.

94. Суд сразу же отмечает, что Правительство не предоставило Суду все материалы уголовного дела. Поэтому Суду придется оценивать эффективность расследования на основании тех немногих документов, которые были представлены сторонами, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

95. Суд отмечает, что власти были немедленно оповещены заявителями о преступлении. Уголовное дело № 59263 было возбуждено 22 ноября 2002 года, через восемь дней после похищения Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева. Такое промедление само по себе способно было повлиять на расследование похищения при отягчающих для жизни обстоятельствах, где критические меры должны были быть приняты в первые дни после случившегося. Это означает, что ряд существенных действий были отсрочены или не проведены только после коммуникации жалобы Правительству Государства-ответчика или не проведены совсем. Например, Правительство не предоставило информации о свидетелях, которые предположительно были допрошены или о датах, когда у них были получены показания. Очевидно, что это показания, если они были получены, должны были быть проведены сразу после того, как властям сообщили о преступлении, и как только было возбуждено расследование.

96. Некоторые важные мероприятия не было проведены. По всей видимости, следователи не предприняли никаких мер для установления принадлежности БТРов, которые прибыли в Мескер-Юрт 14 ноября 2002 года. Кроме того, следствие не пыталось становить и допросить военнослужащих, которые участвовали в ее проведении спецоперации в селе Мескер-Юрт.

97. Суд также отмечает, что хотя заявителей признали потерпевшей по уголовному делу №59263, их лишь информировали о приостановлении и

возобновлении производства по делу, но не сообщали ей о других значимых событиях. Это значит, что следственные органы не обеспечили требуемого уровня общественного контроля над ходом расследования и защиты законных интересов ближайших родственников.

98. И, наконец, Суд отмечает, что расследование по уголовному делу №59263 неоднократно приостанавливалось и возобновлялось, и период бездействия районной прокуратуры по делу был очень длительным.

99. Что касается возражения Правительства относительно объединения рассмотрения вопроса приемлемости с рассмотрением дела по существу (см. пункт 65 выше), поскольку он связан с фактом дпящегося уголовного расследования, Суд считает, что власти не предприняли эффективные и срочные следственные меры, необходимые для эффективного расследования на ранних стадиях. Следовательно, Суд находит, что средства, заявленные Правительством, были неэффективными в данных обстоятельствах и отклоняет указанное возражение.

100. В свете вышеизложенного Суд считает, что властями не было проведено эффективное уголовное расследование обстоятельств исчезновения, Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева, что является нарушением процессуальной части Статьи 2.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

101. Заявители ссылались на Статью 3 Конвенции, указывая, что в результате исчезновения их мужей и непроведения Государством добросовестного расследования этих событий они испытывали душевные страдания, что является нарушением Статьи 3 Конвенции. Статья 3 гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

A. Доводы сторон

102. Правительство не согласилось с этими заявлениями, так как следствием не было установлено, что заявители подверглись бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции.

103. Заявители повторили свои жалобы.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

104. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

105. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особый аспект и характер, отличные от эмоционального стресса, который можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Имеют значение такие элементы, как близость родственных связей, конкретные обстоятельства семейных отношений, то, в какой степени член семьи был свидетелем случившегося, активное участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и то, как реагировали власти на запросы информации об исчезнувшем лице. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте "исчезновения" члена семьи, но в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что является непосредственной жертвой действий властей (см. *Orhan v. Turkey*, № 25656/94, § 358, 18 июня 2002 г.; *Imakayeva*, цит. выше, § 164).

106. В настоящем деле Суд отмечает, что заявители были женами исчезнувших людей. Первая заявительница была свидетелем похищения двух мужчин. Более четырех лет они не получали сведений о Висхаджи Магамадове и Хасхане Межиева. В течение этого периода они лично и письмами обращались с запросами о своих мужьях различные официальные органы. Несмотря на предпринятые ими усилия, заявители так и не получили какого-либо приемлемого объяснения или информации о том, что стало с двумя мужчинами после похищения. В полученных ими ответах по большей части отрицалась ответственность Государства за задержание, либо заявителям просто сообщали, что следствие по делу продолжается. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2.

107. В свете вышеизложенного Суд считает, что заявители испытали и продолжают испытывать эмоциональный стресс и моральные страдания в результате исчезновения своих мужей и неспособности выяснить, что с ним произошло. То, как власти реагируют на их жалобы, следует считать бесчеловечным обращением, нарушающим Статью 3.

108. Из этого Суд делает вывод, что в отношении заявителей имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

109. Далее заявители утверждали, что Висхаджи Магамадов и Хасхан Межиев были задержаны в нарушение гарантий Статьи 5 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

А. Доводы сторон

110. Согласно информации, предоставленной Правительством, данных, которые подтверждали бы, что Висхаджи Магамадов и Хасхан Межиев были лишены свободы в нарушение гарантий статьи 5 Конвенции, следствием не получено.

111. Заявители повторили свои жалобы.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

112. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 5 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

113. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также Суд отмечал, что безвестное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. *Çiçek v. Turkey*, №25704/94, § 164, 27 февраля 2001 г. и *Luluyev*, цит. выше, § 122).

114. Суд считает установленным, что Висхаджи Магамадов и Хасхан Межиев были задержаны представителями государства 14 ноября 2002 года, и с тех пор их не видели. Их задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, а официальные сведения о его дальнейшем местонахождении и судьбе отсутствуют. В соответствии с практикой Суда сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. выше, § 371).

115. Далее Суд считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их родственника задержали и куда-то увели при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако приведенные выше рассуждения и выводы Суда в отношении Статьи 2, в частности, о характере ведения следствия не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по его защите от риска исчезновения.

116. Исходя из этого, Суд считает, что Висхаджи Магамадов и Хасхан Межиев были подвергнуты безвестному задержанию без каких бы то ни было гарантий Статьи 5. Это является особенно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

117. Заявители жаловались на то, что были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

А. Доводы сторон

118. Правительство утверждало, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали праву заявителей воспользоваться такими средствами.

119. Заявители повторили свои жалобы.

В. Доводы сторон.

1. Приемлемость

120. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

121. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Согласно установившейся практике Суда, Статья 13 Конвенции требует, чтобы на национальном уровне имелось правовое средство, позволяющее компетентному государственному органу принять решение по сути жалобы на нарушение Конвенции и предложить соответствующее возмещение ущерба, хотя государствам и дана некоторая свобода усмотрения относительно способа выполнения их обязательств в рамках данного положения Конвенции. Однако требование о наличии такого правового средства касается только тех жалоб, которые можно считать «потенциально достоверными» по смыслу Конвенции (см, помимо прочих источников, *Halford v. the United Kingdom*, постановление от 25 июня 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions 1997 III*, стр. 1020, § 64).

122. Что касается жалобы заявителей на отсутствие эффективных средств защиты в отношении их жалобы на нарушение Статьи 2, Суд

считает нужным подчеркнуть, учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, что Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, также проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и к наказанию ответственных за лишение жизни, что в частности предполагает фактический доступ истца к следственным процедурам, направленным на установление личности и наказание виновных (см. *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV, и *Suheyla Aydin v. Turkey*, no. 25660/94, § 208, 24 мая 2005 г.). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Khashiyev and Akayeva*, цит. выше, § 183).

123. В свете приведенных выше выводов Суда в отношении Статьи 2 указанную жалобу явно следует считать "потенциально достоверной" для целей Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, постановление от 27 апреля 1988 г., серия А № 131, § 52). Следовательно, заявители должны были иметь возможность воспользоваться эффективными и практически применимыми средствами правовой защиты, способными привести к установлению и наказанию виновных и к назначению компенсации в соответствии со Статьей 13.

124. Из этого следует, что при обстоятельствах, подобных обстоятельствам настоящего дела, когда расследование уголовного дела об исчезновении оказалось неэффективным, что в свою очередь подрывало эффективность любого другого потенциально имеющегося в наличии средства, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции.

125. Следовательно, имеет место нарушение статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции.

126. Что касается ссылок заявителей на нарушение Статьи 3 Конвенции, Суд отмечает, что признает нарушение вышеназванного положения в части душевных страданий заявителей в результате исчезновения близкого родственника, неспособности выяснить, что с ним произошло, и отношения властей к их жалобам. Однако Суд уже признал нарушение Статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции в части поведения властей, вызвавшего душевные страдания заявителей. Суд считает, что при данных обстоятельствах нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции.

127. Что касается утверждений заявителей о нарушении Статьи 5 Конвенции, Суд повторяет, что в силу сложившейся практики, когда более специфические гарантии Статьи 5 §§ 4 и 5, будучи *lex specialis* в отношении Статьи 13, поглощают и перекрывают собой требования Статьи 13, а также в свете приведенного выше вывода о нарушении Статьи 5 Конвенции в результате не признаваемого властями задержания, Суд не находит оснований рассматривать отдельно вопрос о нарушении

Статьи 13 в связи со Статьей 5 Конвенции в обстоятельствах настоящего дела.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

128. В первоначальной жалобе заявители утверждали, что подверглись дискриминации по причине этнического происхождения. Статья 14 Конвенции гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

129. В своих замечаниях по поводу приемлемости и существа жалобы от 27 августа 2007 года заявители указали, что не намерены добиваться рассмотрения Судом своих жалоб на нарушение Статьи 14 Конвенции.

130. Суд, принимая во внимание Статью 37 Конвенции, делает вывод о том, что заявители более не намерены добиваться рассмотрения этой части своей жалобы, в значении Статьи 37 § 1 (а). Суд также не видит причин общего характера, относящихся к соблюдению установленных Конвенцией прав человека, которые требовали бы продолжить рассмотрение настоящей жалобы согласно Статье 37 § 1 Конвенции *in fine* (см., например, *Chojak v. Poland*, № 32220/96, решение Комиссии от 23 апреля 1998 года; *Singh and Others v. the United Kingdom* (dec.), no. 30024/96, 26 сентября 2000 года; и *Stamatios Karagiannis v. Greece*, no. 27806/02, § 28, 10 февраля 2005 г.).

131. Следовательно, эту часть жалобы следует исключить в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции.

IX. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

132. Статья 41 Конвенции устанавливает:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

A. Возмещение материального ущерба

133. Заявители потребовали возмещение ущерба за потерю заработков их мужей с момента похищения. Они указали, что хотя Висхаджи Магамадов и Хасхан Межиев были безработными на момент ареста, они могли бы в будущем найти работу, получать, по крайней мере,

минимальную заработную плату и оказывать поддержку заявителям и их малолетним детям. Первая заявительница запросила компенсацию в размере 445,520.91 российских рублей (соответственно 12,200 евро). Вторая заявительница запросила компенсацию в размере 589,348.25 российских рублей (соответственно 16,200 евро).

134. Правительство сочло эти требования необоснованными.

135. Суд повторяет, что между ущербом, компенсацию которого требует заявитель, и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь, и что в соответствующих случаях может быть запрошена компенсация за потерю заработков. Принимая во внимание эти доводы, находит прямой причинно-следственной связью между нарушением Статьи 2 в отношении сына заявителей и потерей заявителями финансовой поддержки, которую он мог бы им обеспечить. Исходя из утверждений заявителей и того факта, что Висхаджи Магамадов и Хасхан Межиев были безработными на момент его похищения, Суд присуждает по 3 000 евро и первой и второй заявительницам в качестве компенсации материального ущерба, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

В. Возмещение морального вреда

136. Заявители требовали присуждения 80 000 евро каждый в качестве компенсации морального вреда за страдания, которым они подверглись в результате потери членов их семей, а также безразличия, проявленного властями в отношении них, и не предоставления им никакой информации о судьбе близких людей.

137. Правительство посчитало требуемую сумму чрезмерной.

138. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в части неизвестного задержания и исчезновения мужей заявительниц. Сами заявители были признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции. Поэтому Суд признает, что им был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. Он присуждает первому и второму заявителям 35 000 евро каждому, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

С. Издержки и расходы

139. Заявителей в Суде представляла организация «Правовая инициатива по России». Сотрудники этой организации представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, представленных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов «Правовой инициативы» и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Они также просили компенсировать административные расходы, расходы

за переводы и услуги курьерской почтовой службы. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила 8,148.05 евро.

140. Правительство возразило, что запрошенная сумма является завышенной, и оспорило разумность и оправданность сумм возмещения, запрашиваемых по этому основанию. Также Правительство указало на то, что двое из юристов «Правовой инициативы», которые подписали замечания по приемлемости и существу дела, не указаны в доверенностях.

141. Суд отмечает, что доверенности, выданные заявителями «Правовой инициативе», были подписаны тремя юристами. Требования заявителей о справедливой компенсации подписали шесть человек. Имена трех из них указаны в доверенностях, другие три юриста сотрудничают с «Правовой инициативой». В таких обстоятельствах Суд не находит оснований сомневаться в том, что шесть юристов, указанных в требованиях заявителей, принимали участие в подготовке документов.

142. Суду, во-первых, предстоит установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявителями, и, во-вторых, являлись ли они необходимыми (см. *McCann and Others*, цит. выше, § 220).

143. Принимая во внимание представленные сведения, Суд считает эти ставки разумными и отражающими фактически расходы, понесенные представителями заявителей.

144. Далее Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные в связи с ведением дела в Суде, были необходимы. Суд отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. В то же время Суд отмечает, что представители заявителей передали в Суд свои замечания по приемлемости и существу дела как один набор документов. Поэтому Суд сомневается в том, что на подготовку юридических документов было необходимо так много времени, как утверждают представители. Кроме того, в деле было незначительное количество документов, так как Правительство отказалось предоставить большую часть материалов уголовного дела.

145. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость оснований, Суд присуждает им 5000 евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве правовой помощи от Совета Европы, плюс налоги и сборы, если они начисляются на данную сумму, которые подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

146. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Принимает решение* исключить жалобу из списка своих дел в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции в части, касающейся жалоб заявителей на нарушение Статьи 14 Конвенции;
2. *Отклоняет* возражение Правительства относительно права на подачу индивидуальной жалобы;
3. *Постановляет* объединить возражения Правительства относительно не исчерпания уголовных средств защиты с рассмотрением дела по существу и отклоняет их;
4. *Объявляет* жалобы на нарушение Статей 2, 3, 5 и 13 Конвенции приемлемыми;
5. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева;
6. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева;
7. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителей;
8. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении Висхаджи Магамадова и Хасхана Межиева;
9. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 2 Конвенции;
10. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статей 3 и 5;
11. *Постановляет*
  - (a) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы:
    - (i) 3 000 (три тысячи) евро в возмещение материального ущерба каждому заявителю, конвертируемые в российские рубли по курсу на дату выплаты, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы;
    - (ii) 35 000 (тридцать пять тысяч) в возмещение морального вреда каждому заявителю, конвертируемые в российские рубли по курсу на дату выплаты, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы;

(iii) EUR 4,150 (четыре тысячи сто пятьдесят) евро в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

12. *Отклоняет* другие требования заявителей относительно компенсации

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 6 ноября 2008 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сёрен Нильсен, Секретарь Секции
Кристос Розакис, Президент